

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(2)

А. П. САННИКОВ

«СОЛЯНОЕ ДЕЛО» ИРКУТСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ*

В статье рассматривается ход следствия по соляному делу главным участником которого стал Иркутский Вознесенский монастырь. Показаны неучтенные объемы производства соли и механизм ее сбыта в условиях Восточной Сибири.

Ключевые слова: Иркутская епархия; Иркутский Вознесенский монастырь; православное духовенство; соляной промысел.

A. P. SANNIKOV

«SALT DEAL» OF IRKUTSK ASCENSION MONASTERY

The article observes the «salt deal», that the main participant was the Irkutsk Ascension monastery. The insignificant extent of salt production and the mechanism of its realization are analyzed.

Keywords: Irkutsk bishopric, Irkutsk Ascension monastery, orthodox clergy, salt production.

В 1755–1756 гг. в Иркутске проводилось следственное дело, в которое оказались вовлечены не только высшие чиновники Иркутской провинциальной канцелярии, но и духовные лица Иркутской епархии. Оно получило название «соляного дела», в ходе которого были выявлены случаи не только массового хищения соли, но и растраты и присвоения значительных казенных сумм. «Соляное дело» получило огласку за пределами Иркутской провинции. Решение по нему принималось в Сенате. Однако правительство, обеспокоенное положением дел на востоке Российской империи, поспешило его закрыть и не доводить до конца, поскольку это могло серьезно дискредитировать региональные власти, как гражданские, так и духовные.

Расследование началось неожиданно. В 1754 г. в Сенат поступил донос от посадского г. Ваги Лукьяна Евтихеева Белавинского о хищении соли служителями Иркутского Вознесенского монастыря. В своем сообщении, состоявшем из 12 пунктов, Лукьян Белавинский подробно рассказал о методах и масштабах хищения соли и причинении «высочайшего ея императорского величества соляного интереса немалой суммы» [3, л. 623].

Соляной промысел в хозяйственной деятельности Иркутского Вознесенского монастыря занимал особое место. 19 января 1705 г. на Малом острове на Ангаре (близ современного Усолья-Сибирского) была постро-

* Работа выполнена в рамках научного проекта РГНФ № 13-01-00308.

ена монастырская варница, названная Вознесенскою. На ней совершали 144 «вари» в год, получая за одну «варю» 70 пудов соли. Ежегодно монастырские запасы пополнялись на 10 тыс. пудов соли, что приносило доход до 1 тыс. р. [2, с. 11]. В 1709 г. сибирский губернатор М.П. Гагарин распорядился соляной промысел Вознесенского монастыря «взять в казну», выплатив компенсации 260 р., по мнению настоятеля, «учинив монастырскую превеликую обиду и разорение». В 1728 г., после обнародования «Устава о соляных промыслах и торговле оною...» Вознесенскому монастырю вновь разрешили заниматься соляным промыслом, выкупив у казны с торгов свою же варницу, но уже за 726 р. 84 к. Промысел постоянно расширялся. В 1738 г. монастырь распространил хозяйственную деятельность на Большой остров, а 27 января 1747 г. выкупил последнюю частную варницу у А.В. Пивоваровой. С этого времени Вознесенский монастырь являлся единоличным владельцем Ангаро-Усольского солепромысла и приписанных к нему «земляных дач» [2, с. 12].

Сенат распорядился проверить факты, изложенные в доносе, следственной комиссии сибирских и камчатских дел. В ее состав вошли полковник Иван Елбухов, чиновник Павел Рагузинский и канцелярист Михаил Бередников. В 1755 г. следственная комиссия начала свою работу. Были изъяты приходные и расходные денежные и соляные книги за период с 1742 по 1753 гг., произведена проверка амбаров Вознесенского монастыря, опрашивались работные люди и монастырские крестьяне в селениях Усольском, Еланском, Холмушинском, Мальтинском и подгородной иркутской слободе.

Проверка приходных и расходных книг показала утайку 10 624 пудов 10 фунтов соли за период с 1742 по 1753 гг. [3, л. 623об.]. Кроме того, «немалое число пуд соли» оказалось спрятано в Мальтинской, Холмушинской, Еланской заимках и самом Вознесенском монастыре. Амбары, где находилась неучтенная соль, показали монастырский крестьянин Роман Торопов и посадский Лукьян Белавинский.

Следственная комиссия потребовала от иркутского епископа Софония (Кристалевского) выдать для допросов архимандрита Вознесенского монастыря Сенессия, казначея монастыря монаха Симеона, иеромонаха Вениамина Скорнякова (учитывавшего выварку соли), монаха Ерофея Скорнякова, монаха Иннокентия, монаха Василия Сердитова и монаха Ерофея Филимонова. Все указанные лица были «взяты за караул» и подвергнуты допросам.

В ходе следствия удалось выявить реальные масштабы хищений. Они в несколько раз превосходили выявленные по книгам недостачи. Так, настоятелем монастыря в 1748 г. было утаено 7 700 пудов соли, в 1749 г. — 7 000 пудов, в 1750 г. — 7 500 пудов, в 1751 г. — 5 700 пудов. Только за 1751–1753 гг. приставником в Усольской вотчине иеромонахом Вениамином Скорняковым было «покрадено» 34 743 пуда 20 фунтов

соли, приставником в Мальтинской заимке монахом Василием Сердиновым — 4 352 пуда 20 фунтов, Ерофеем Филимоновым — 10 052 пуда 20 фунтов, приставником в Холмушинской заимке Ерофеем Скорняковым — 6 100 пудов. По предварительным оценкам следственной комиссии «и до ста тысяч пудов соли в утайке сыскатца может» [3, л. 624]. Все виновные лица написали признательные письма и покаянные челобитные, которые были направлены в Синод. После этого проводивший следствие комиссар Александр Клепиков «учинил послабление» отпустил всех «в дома» [3, л. 623об.].

Оказавшись на свободе, подследственные организовали нападки на доносителей и всех лиц, помогавших следствию. Особо тяжело был избит Белавинский. Он вынужден был просить Сенат о «бережении» его в Иркутске, выделении кормовых денег и «снаряжении для обережения солдата или казака». Однако кормовые деньги оказались мизерными, поэтому Белавинскому пришлось «претерпевать немалый голод», а выделенный солдат оказался старым, часто «упивался на кабаках» и не обеспечил свидетелю никакой защиты.

В ходе следствия удалось выявить механизм хищения соли. Он был следующим: «в противность указов договорясь с усольскими ларечными и целовальниками монастырские приставники отпускали с соляных заводов казенной утаенной от пошлин соли в город Иркутск и в Балаганск на продажу и в монастырь на пропитание брали по несколько тысяч пуд в каждой год, а за ту де соль им ларечные и целовальники давали цену некоторое число денег, а оную де утаенную соль продавали в Иркутске и в Балаганске и в том Усолье через соляных целовальников... Соль, коя де и распродана тайно, а вырученные за нее деньги делили между собою по препорции» [3, л. 624]. Таким образом, махинаторами удачно использовалась государственная система реализации соли.

Казалось бы, дело шло к своему завершению, виновные найдены и должны были понести наказание, но неожиданно подследственные стали давать показания. Оказалось, что процесс добычи соли носит непрерывный характер: «соль варить надлежит без всякой остановки». Поэтому работным людям необходимо было ежемесячно выплачивать содержание (денежное и кормовое). Содержание выплачивалось из средств Иркутского Вознесенского монастыря.

Всю добытую соль, за исключением нужд монастыря, следовало передавать ларечным, выступавшим от имени государства. Ларечные выдавали соль для выплаты жалования и продажи целовальникам. Последние после реализации товара передавали все средства в Иркутскую провинциальную канцелярию, которая должна была рассчитывать с Иркутским Вознесенским монастырем.

Однако отношения прежнего иркутского епископа Иннокентия (Неруновича) с вице-губернаторами А. Плещеевым и его преемниками носили

натянутый, а порой и враждебный характер [1, с. 62]. Поэтому провинциальная канцелярия с 1742 г. постоянно задерживала выплаты. Как писал в своих показаниях архимандрит Сенессий «в канцелярии бывают постоянные держи, немалое число денег в доимке состоит, а выходить тех денег хотя в иркуцкую провинциальную канцелярию неоднократно поданы были челобитные в скорости невозможно», расчеты проводились не полностью, а с 1746 г. прекратились полностью [3, л. 624об.]. Невыплаты монастырю составили несколько тысяч рублей. Естественно высшие сановники Иркутской провинции не могли не знать о сложившемся положении. К тому же невыплаченные денежные суммы нередко переходили в их карманы.

Иркутский Вознесенский монастырь в это время активно строился. Велось возведение главного храма, поэтому свободных денег у обитатели не было. Как было установлено «в денежной казне имелась крайняя нужда» [1, с. 64]. Задержки с расчетами монастырю оборачивались задержками с выплатами для работных людей, что приводило к недовольству и возмущению. В результате к 1748 г. на соляных заводах сложилась ситуация, грозившая обернуться волнениями. В этот момент к архимандриту Сенессию с предложением о продаже неучтенной соли явились усольский ларечный Максим Зырянов и стряпчий Никита Окрепцов. Дело выглядело надежным и прибыльным, следовало только подправить учет, а в случае неудачи соль из амбаров всегда можно было выбросить в реку или списать на размытие водами.

Надо сказать, что в это время в Иркутской епархии не было архиерея. Обратиться за советом или искать помощи архимандриту было просто не у кого. К тому же по своему статусу настоятель Иркутского Вознесенского монастыря являлся вторым лицом в епархии и возглавлял духовную консисторию. Поступившее предложение выглядело пусть не законным, но все же выходом из сложившейся ситуации, что заставило архимандрита Сенессия согласиться. Благодаря этому к концу 1748 г. удалось расчитаться с работными людьми, обеспечить их «съестным припасом» и продолжить соляной промысел. В следующем 1750–1751 г. полученные таким образом доходы, кроме выплат работным людям, были направлены на монастырское строительство. В дальнейшем отказаться от такого источника доходов служители Вознесенского монастыря не смогли.

Первый донос, поступивший в 1 ноября 1753 г. в иркутскую провинциальную канцелярию о злоупотреблениях в Вознесенском монастыре остался без ответа, как и второй от 27 января 1754 г., что создало иллюзию безответственности. Никто не ожидал, что Лукьян Белавинский отважится написать в Сенат. Поэтому открытие следствия и деятельность комиссии явилось полной неожиданностью для всех участников махинаций. Попытки перепрятать соль в отдаленных заимках, а также перетащить из амбара в амбар не удалось.

Но и для продолжения следствия требовалось выйти за стены монастыря и провести тщательную проверку соляного комиссарства, чьи служители осуществляли реализацию неучтенной соли, Иркутской провинциальной канцелярии в кабинетах которой пропало несколько тысяч рублей и иркутских вице-губернаторов. Дело могло закончиться скандалом. Над иркутскими властями замаячила тень вице-губернатора Алексея Жолобова. Новый разоблачительный процесс был никому не нужен.

Нашлось иное решение. Иркутской провинциальной канцелярии поручили произвести расчет с Вознесенским монастырем и погасить недоимки. Были заменены усольские ларечные и целовальники. Ужесточили контроль за вываркой соли, а виновных монахов наказали церковным покаянием. Иркутский Вознесенский монастырь обязали возместить все убытки, причиненные государевой казне. Таким образом, начавшись в 1755 г. громкое «соляное дело» уже к 1758 г. практически прекратилось, а проведенная через несколько лет секуляризация оставила его незавершенным.

Список использованной литературы и источников

1. Дулов А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX вв. / А. В. Дулов, А. П. Санников. — Т. 1. — Иркутск : СибПолигафСервис, 2006. — 294 с.
2. Душкин Ю. С. Соль земли / Ю. С. Душкин // Земля Иркутская. — 2000. — № 13. — С. 10–13.
3. Российский государственный архив Древних актов. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 183 (часть 2).

Информация об авторе

Санников Александр Павлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: aps.72@mail.ru.

Author

Sannikov Aleksandr Pavlovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History of Russia, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., Irkutsk, 664003, e-mail: aps.72@mail.ru.

УДК 947
ББК 63.3

В.В. СИННИЧЕНКО

ПРОБЛЕМА ОСТРОВА САХАЛИН В РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1855–1875 гг.

В статье изучается опыт совместного управления Россией и Японией островом Сахалин в период с 1855 по 1875 гг. Выясняются причины, заставившие российские и японские власти пойти на отказ от принципа совместного управления и подтолкнувшие их к территори-